

Дмитрий Володихин

[НОВАЯ ЗОНА]

ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Дмитрий Михайлович Володихин
Тихое вторжение
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Новая зона», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6244797

Володихин, Д.М. Новая Зона. Тихое вторжение: [фантастический роман] : АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-080626-3

Аннотация

В Московской Зоне появилось неизвестное существо – сверхбыстрое, сверхсильное и смертельно опасное. То ли человек, то ли мутант – информация отсутствует. Известно только, что оно легко убивает опытных сталкеров, а само практически неуязвимо. И именно с этим монстром придется столкнуться проводнику научных групп военсталкеру Тиму и его друзьям – всего лишь слабым людям...

Содержание

Пролог	4
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Володихин

Новая Зона. Тихое вторжение

Пролог

Я свободен!

Я абсолютно свободен!

Ничто не сковывает моей воли!

Никто не смеет ставить передо мной барьерцы!

Я могу делать всё, что пожелаю, хоть самые безумные вещи!

Все мы, дети истины, свободны, счастливы и ни в чем не испытываем нехватки.

Если идет дождь, мы можем спрятаться от него в пещоре.

Если холодно, истина зовет к нам поле жары, и мы садимся близ его огненной границы и греем то один бок, то другой. Иногда кто-нибудь из нас желает больше тепла, много тепла, море тепла! Тогда он делает шаг в поле жары и сгорает в нем, словно красивый живой цветок.

Если мы хотим есть, истина пригоняет нам меньших братьев и сестер – тех, что рыщут по земле, летают под облаками и плавают в водах, – придавив к земле, истина убивает их и дарит нам свежее мясо. Если нам мало их мяса, мы сражаемся друг с другом, совсем убиваем слабейших и поедаем их плоть. Ничего! Взаменец слабых, пораненных, истина новых детей к нам приводит. Они сначала дураки, болванцы, а потом хорошие – как мы.

Если приходят чужие, опасные существа, истина ставит на их пути ловушки, и непрощенные гости гибнут. Тем, кто уцелел, истина подкладывает красивые яркие вещицы. Забрав их, прищляки уходят.

Если кто-то из нас желает совокупиться, то у него есть возможность скоро и без хлопот утолить свою жажду. Вокруг хватает детей истины другого пола – выбирай, кого хочешь. Иногда женщина не хочет совокупляться с тобой. Борись с ней! Победи ее! Возьми ее, побежденную.

Катя... где ты... Катя. Катя!

Наш народ живет в большой бетонной коробке, окруженной ржавыми ящиками на колесах. У нас тут большие светлые комнаты, коридоры, лестницы, большие темные места под землей... забыл это слово... Как они называются? Не важно. Кто хочет, вылезает на крышу, оттуда весь наш мир далеко видно.

Мы весело играем в нашей коробке, гоняемся друг за другом. Мы любим игру в пряталки. И еще – игру, когда все становятся в круг, а один кто-то внутри, и ему надо вырваться наружу. А еще много других всяких игр.

Перед входом в бетонную коробку тянутся две сверкучих твердых линии. Они лежат на тяжелых деревянных палках, а палки – на длинной каменной куче.

Если пойти по линиям направо, придешь к необъятному двору с кучами угля... угля... что такое уголь? Уголь... завод... что такое завод?.. пристанище иного народа. Мы сражаемся с ними, мы побеждаем их и отбираем ценные приятные вещи. В ценную вещь можно вдеть свое тело, и станет теплее. Другую ценную вещь можно нацепить на нос, и будешь лучше видеть. Есть много ценных вещей, наш народ обладает ими, ибо он силен и хорош в бою. Иногда мы находим ценные вещи, но редко. Иногда мы убиваем злого чужака. На его теле всегда бывает много ценных приятных вещей. Хорошо прикончить бродягу, который пришел неведомо откуда и принес с собой столько полезного!

Если пойти по линиям налево и идти долго, то почувешь странные запахи и услышишь странные звуки. Следует остановиться. Дальше живет зло. Это зло противно истине и свободе. Оно отбирает счастье и делает рабами.

У нас нет вождеца, мы все равны и все свободны.

Иногда с нами живут причудные существа. У некоторых нет голов. У некоторых нет штучки для совокупления с женщиной. Некоторые похожи на голых злых собак. Очень сильных. Некоторые – прозрачатые и такие быстрые, у-у-у-у. Некоторые, хитрые и невысокие, умеют бросать вещи взглядом. Но никто из них не смеет на нас нападать. Мы дети истины. Если напасть на нас, истина сурово накажет. Истина бережет нас.

Мы благодарны истине.

Она все дает нам и ничего не требует взамен.

Иногда она просит у нас что-нибудь, и мы не отказываем ей. Ведь мы ее любим.

Вот ей надо думковать через нас. Берет одного или второго или трех. Думкает через их головы. Лежат, терпят. Щекотно в головах. Иногда умрет кто-нибудь. Думка – трудная, будто тебя сражает кто-то, очень долго сражает, а ты ответить ему не можешь. Ворочает у тебя в голове, ворочает не пойми чего.

Вот ей надо выгнать пришляков. Они упрямные, не хотят уходить. Злые. Воняют не как всё вокруг. Шумят. Бывает, унесут кого-то с собой и там у себя съедят – ни один не возвращался от пришляков. Пришляки делают коробки. Иногда шершавые, как наша. Иногда блестящие и с крутящимися штуками наверху.

Истина говорит: можете помочь?

А мы и рады. Мало кто откажется, только дураки, болванцы.

Истина говорит: оденьтесь грязью, станете не такими заметными.

Мы налепляем на себя всякой грязи. Оденьтесь – это что такое? Не помню... Забыл совсем. Не важно.

Истина говорит: идите, сделайте так, чтобы они не мешали нам. Истина – любименькая!

Мы идем. Тихо идем. Крадумчись. Хорошо, весело! Побьемся, посражаемся, станет больше ценных вещей. Мяса будет вдоволь. Жалко, плохое мясо, вкус противный. Соленое. У нас тут соленых нет, все хорошие.

Вот сейчас идем. Один пришляк стоял с автоматом... с чем он стоял? Что держал? Автомат... Почему автомат? На горло руки ему положили, он боролся, а потом умер. Сильный был, а умер быстро.

Голову ему отрываем, руку ему отрываем. Так истина нас научила.

Идем еще дальше.

Место есть, где пройти внутрь. Там, внутри, – злые чужаки. До них нам надо добраться, истина просит. Руку пришляцкую прилагаю туда, куда истина говорит. Глаз на голове пришляцкой прилагаю туда, куда истина говорит. Я – умный. Я самый умный в нашем народе. Только слабый уже... наверное, скоро подерется со мной кто-нибудь и убьет совсем.

Место открывается передо мной, вхожу в место. Там комидор. Оглядываюсь, а народ не идет за мной, народ решил покушать и чужака ест. Свежая плоть, сочная, сладкая. Я их зову, чтобы скорее шли сюда. Не надо кушать сейчас. Потом у нас будет много хорошей, сладкой плоти, а сейчас надо сделать, как истина просит.

Не идут. Место закрывается за мной, я один тут, голова у меня и рука у меня, а сам я один в комидоре. Беда!

Потерян я.

Больно в голове. Щекотно в голове, а потом больно в голове. Тошнит.

Катя. Катя! Катя, откликнись! Катя!

Всё в крови. Руки у меня в крови. Что я держу в руках?! Господи!

Бросаю голову и руку несчастного часового на пол. Идиоты. Они все еще ставят часовых в Зоне. Боль накатывает волнами, каждая волна сильнее предыдущей. Катя, я люблю тебя. Катя! Шлюзование организовано с грубыми нарушениями. Наблюдательный пост как будто заснул. Сейчас народ... сейчас... они... дернут входной люк, а он захлопнулся, но не заперт...

Господи, что я творил!

Надо... спастись.

Больно!

Голова раскалывается.

Делаю три шага вперед, силы мои исчерпаны. Кнопка... тревоги по всему исследовательскому комплексу. Всё. Теперь входной люк по аварийному сигналу заперт намертво. Без особого кода, который знают лишь глава комплекса да зам по безопасности, его не разблокировать.

Ноги подкашиваются.

Катя...

Часть 1 Раздача карт

Глава 1 Раб Зоны

Когда я очнулся, на меня очень внимательно смотрели четверо. Из них двое знали, кто такой сталкер Тим. С одним мы пили разок. Но все четверо – и знакомые, и незнакомые – приглядывались ко мне с большой настороженностью.

Какого ляда?

А потом, ребята, я рывком вспомнил, как я сюда пришел и что творил до того.

Иисусе! Кошмар какой.

– Какое сегодня число, господарищи?

Тот, что пил со мной, отвечает. Я гляжу на него, как на полного придурка, и очень мне хочется наорать. В голове – сумерки, боль такая, будто мозг хочет вылезти через уши, но проход для него узковат. И еще какая-то странная вонь. Нет, сам я благоухаю помойкой, это понятно. Я еще и чужой кровью благоухаю. Но почему помойка у меня вдобавок и под черепом? Почему такое ощущение, будто серое вещество протухло и наполняет череп ароматами холостяцкого холодильника?

Я все-таки принимаюсь орать:

– Ты, харч псевдоплоти, ты охренел?!

Хочется мне вскочить с койки, но меня крепко зафиксировали, дёрг-дёрг, остаюсь на месте. И я бы такого субчика зафиксировал...

Стараюсь разговаривать спокойнее. Не надо пугать людей, от них теперь вся моя жизнь зависит.

– Извини... ты, часом, не ошибся, мужик? Или это я ослышался? Давай, скажи еще разок.

Он повторяет.

Поверить невозможно! Я провел в Зоне без малого четыре месяца. А это значит...

– Я провел в Зоне четыре месяца. Мой организм начал подстраиваться под энергетику Зоны. Если вы меня не эвакуируете отсюда в ближайшее время, то, оказавшись за пределами Зоны, я просто сдохну. Или стану инвалидом, у которого всё в полуразвалившемся состоянии.

Тут один из них, по виду старший, говорит тому, кто со мной пил, мол, для начала знать бы, кто он такой или что он такое. Тот ему: да я знаю парня, это сталкер Тим, нормальный человек, работает на самого доктора Михайлова. Но старшой смотрит на него с о-очень большим недоверием.

Оно и понятно.

Прикиньте, ребята, вы сидите в исследовательском комплексе посреди чернобыльской Зоны отчуждения. У вас военное положение – круглый год, двадцать четыре часа в сутки. У вас каждый месяц Зона крадет одного-двух сослуживцев. И как раз недавно она схавала вашего часового, которого ваш же старшой, полный идиот, очевидно недавно прибывший в Зону, имел дурость поставить на открытом пространстве. Вы уже объяснили старшому, до какой степени он идиот. Но ему страшно хочется свалить свою вину на кого-то еще. И вот прямо в шлюзовой люк вваливается голый грязный мужик, обросшее вонючее чмо, с оторванной башкой часового в одной руке и кистью руки – в другой. Он, вроде, вовремя

закрыл люк и тем спас центр от нападения каких-то... каких-то... в общем, таких же, как он сам, обросших и вонючих не пойми кого. Но... это Зона. Хитрая сучка. Кого она к вам подслала, хрен поймешь.

Прикинули?

Ну и что? Хотите набить морду старшому? Но как-то колеблетесь? Вот и я бы на вашем месте колебался.

Говорю им:

– Да, я сталкер Тим. Он же Дмитрий Тимофеевич Караваев. Старший научный сотрудник московского Центра гуманитарных исследований Зоны. Я, наверное, побывал под контролем... но теперь стены вашего комплекса экранируют меня от пси-воздействия. Я теперь обычный мужик, которому до жути повезло. Если боитесь, что я бандит или дикий сталкер и решил гробануть вас, ну... наведите справки. Да в жопу справки, наденьте на меня наручники, свяжите, хоть лицо маской закройте, только сообщите Михайлову и эвакуируйте отсюда. Четыре месяца, понимаете? Четыре месяца! И у меня просто раскалывается башка. Сделайте что-нибудь. Позовите врача. Обезболивающее дайте. Иначе я прямо сейчас сдохну. Черепушка лопнет, отскребайте потом мои мозги от стен.

Один лезет отвязывать меня. Старшой на него гаркает, а тот ноль внимания. И тот, кто со мной пил, отстраняет старшого, мол, погуляй, имей совесть. Старшой матерится, но как-то вяло.

Дела мои идут на лад.

И всё бы хорошо, но за спинами тех, кто развязывает меня, слышится клацанье автоматного затвора. А потом спокойный такой голос:

– Всем: отойти на три шага назад.

Это не старшой. Это второй мужик, который когда-то меня видел. Пить он со мной не пил, но дельный, вроде, тип, научник с регалиями. Статьи у него... да я же статьи его читал! Терех его фамилия.

Старшой ему:

– Александр Евгеньевич, я приказываю вам опустить оружие!

Ноль внимания. Тогда остальные ему:

– Вы что? Моча в голову ударила?

А он им заявляет, и голос такой ледяной, не приведи Господь:

– Считаю до трех. Если кто-нибудь не отойдет на три шага от койки, как я велел, стреляю без предупреждения.

Не шутит мужик. И они ему подчиняются.

– Вы – Терех, – говорю. – Не узнаете меня?

– Узнаю. Вы – Караваев. И еще пробудете Караваевым какое-то время. А вот потом начнутся очень большие сложности для всех нас... Ответьте на один вопрос: вы помните своего контролера? Помните или нет? У вас нет амнезии? Вы должны были его видеть и запомнить – хотя бы в тот момент, когда он брал вас под пси-контроль.

Роюсь в памяти. Контролер? Должен помнить. Иначе кто меня водил на пси-поводке все эти месяцы... Но... но... никакого контролера я не видел. Просто я полюбил истину... я разом полюбил истину. Истина сладка, истина прекрасна! Дети ее свободны!

В голове как будто разорвалась граната. Кажется, я застонал.

– Живее!

Он еще кричит на меня.

– Дайте обезболивающее... Умоляю, мать вашу, мужики, вы что, не люди? Не помню своего контролера. Какой-то был, не могло не быть... Иначе как же я там... Но не помню.

Очень хорошо, что никто, кроме меня, не знает, «как же я там».

Убивал.

Жрал человечину.

И, кажется, трахал кого ни попадя... Или нет? Не помню наверняка. Ну, хоть это...

Катя... Господи... Катя... Простите меня вы оба. Я с ума схожу!

Но я ведь всё это делал ради сияющей истины! Нет ничего слаще истины. Мы любим ее...

– Еще раз, – настаивает Терех, – четко подтвердите, что не видели и не знаете своего контролера.

Я начинаю выть. И сквозь собственный вой едва могу сказать: не видел, не знаю.

Голова кружится, в глазах становится мутно.

Тем временем Терех очень вежливо отдает распоряжения:

– Ни в коем случае не распаковывать Каравая. Это раб Зоны. Еще один раб Зоны. Вася, сходи к Верочке, нужен полный шприц триметазона. А? Оно же – «колотушка». Так – ясно? Григорьев, осторожно подойдите и привяжите еще крепче там, где отвязали. Не бойтесь, я держу его под прицелом. Господин майор, пожалуйста, свяжитесь с большой землей. Нам нужен вертолет самое позднее через два часа. Но лучше – раньше. Если до исхода названного срока мы не переправим это существо из Зоны, его придется убить. И еще, если вам не трудно, свяжитесь с доктором Михайловым. В наших кругах это весьма значительная величина, выйдет странно, что мы не сообщили об обнаружении пропавшего сотрудника из его Центра.

Существо? Да что он тут мелет про меня?!

Старшой отвечает:

– Хорошо. Соответствующие распоряжения будут отданы, Александр Евгеньевич. Но вы должны помнить, в Уставе российской армии сохранено официальное обращение к офицерам со словом «товарищ». Я настаиваю: «товарищ», а не «господин».

– Да, конечно, товарищ майор. Разумеется, товарищ майор. Почему бы нет, товарищ майор.

Товарищ майор, красный, как знамя социализма, уходит.

Раб Зоны – что за хреновина такая?

Мне, наконец, делают укол. Господи, Господи, как хорошо! Отпускает понемногу... Всё, отпустило. «Колотушка» – сильная штука. И очень, очень бесполезная, по большому счету.

Надо бы привести их всех в наше жилище. Славные выйдут дети истины! Я слышал женское имя, стало быть, у нас будет новая сестра.

Что за чушь?! Что за дурь?! Да что за с-сука?! Я же здесь, я человек, я нормальный!

– Вы можете со мной разговаривать спокойно и разумно? – спрашивает Терех.

– Д-да... Со мной творится... какая-то...

– По этой причине, Тимофей Дмитриевич, пока вы здесь, я ни на секунду не выпущу вас из-под прицела. Даже если вам потребуется испражниться, извините, этим делом вы займетесь под дулом автомата. А лучше – двух автоматов... Григорьев, сходите в оружейку, возьмите свой личный ствол и идите сюда. Желательно, побыстрее. *Это* в нем оживает. Не видите? Я вижу. Повидал таких.

Почему он не хочет свободы? Надо принудить его к свободе...

К какой, к едреням, свободе?! Крыша моя, куда ветер тебя уносит?

Терех, не опуская автомата, продолжает разговор со мной:

– Тимофей Дмитриевич, да, это пси-воздействие. Только не контролера. От любого контролера защита нашего модуля безусловно отрезала бы вас на сто процентов. Он бы до вас не добрался. Как только люк за вами захлопнулся, пси-контроль извне оказался в значительной степени заблокированным. Но тот поток, что вползает в ваши мысли, мы полностью отсечь не можем. Слишком уж мощное воздействие. Гораздо сильнее, чем у простого кон-

тролера. Просачивается. И с течением времени будет просачиваться всё больше и больше. Вы понимаете меня?

– Д-да... Но тогда... кто... откуда... меня?

– Что-то или кто-то внутри Зоны генерирует мощное пси-поле. Оно совершенно обезличено. Можно было бы сказать, что оно оказывает на людей влияние как бы от лица всей Зоны. Зона выбирает человека, который кажется ей наиболее опасным или наиболее полезным, уже не знаю, с какой стороны, и подчиняет себе как раба.

– Мы любим ее... – прорывается у меня.

Глаза Тереха наливаются спелым темным ужасом. Молчит и смотрит на меня, прикидывая, не нажать ли на спусковой крючок прямо сейчас. А ведь хороший ход: сколько проблем тут же окажется в минусе!

– Я... все еще могу *это* в себе контролировать. Я человек. Только иногда чуть-чуть выскакивает из меня.

– *Пока* можете, Тимофей Дмитриевич, – констатирует Терех. – Скоро это у вас перестанет получаться. А Зона не прекратит тянуться к вам, пока вы не окажетесь за ее пределами. Мы установили профили и напряженность пси-потоков Зоны уже после того, как пришло известие о вашем исчезновении. И у нас здесь нет средств, чтобы перетащить вас на свою сторону. Вы понимаете меня? Скажите что-нибудь.

– Д-да. Понимаю.

– Скажите мне... *что это такое?* Как вы это чувствуете? Хотя бы самые общие впечатления. Если можете, разумеется.

О, да в нем исследователь заговорил. Очень вовремя, ребята. Самое оно заняться сейчас аналитикой.

А впрочем, он, кажется, хочет мне помочь. Не дает мне сорваться... *туда*. Потому и разговаривает со мной, не оставляет в покое. Молодец, Терех.

– Я не знаю... Я не знаю. Нечто нечеловеческое... но очень хорошо понимающее людей. Наши слабые места.

– Это всё?

– Не сейчас... Мне думать трудно. Свобода наплывает на меня, как море... Но я еще человек. Я – человек!

Я кричу, пытаюсь своим воплем остановить то, что понемногу захватывает мое сознание.

– Хотите, дам вам совет? В одном случае это помогло. Вытащили человека...

– Да всё, что угодно...

Ах ты ж мясо радиоактивное, ты еще спрашиваешь! Нашел место и время – вежливость проявлять.

– Есть ли у вас что-нибудь очень дорогое? Предмет любви, поклонения, хотя бы очень сильной привязанности. Дом. Женщина. Друг. Работа. Родители. Яркая картинка из детства. Философия какая-нибудь. Вера. Да хоть сумма на банковском счете. Все равно, лишь бы вы этим дорожили, до крайности, подчеркиваю, дорожили. Так вот, вцепитесь в это и не отпускайте ни на секунду. Прикасайтесь к нему, думайте о нем, представляйте себе его... что уж у вас там есть. Не всего себя пытайтесь сохранить, а только тот участок, где это у вас живет. Я с вами еще поговорю, но от меня вам мало помощи. Очень скоро я не смогу вас... *удерживать*... Вы понимаете меня? Вы – еще здесь, с нами?

Мне приходится сконцентрироваться.

– Д-да-а... Я здесь... Я с вами... с вами... Я здесь...

Приходит Григорьев, у него в руках автомат. Это как раз тот мужик, с которым я когда-то пил. Лицо у него перекошено. И жалеет меня, и боится меня, и трусом самому себе пока-

– Катька-а-а...

Кремовый загар...

На границе Зоны и Внезонья, в вертушке, я очнулся на несколько мгновений. Отпустила, падаль. Всё. Больше не доберется до меня. В голове полыхнуло так, что даже «колодушка» не заблокировала этой боли.

– Сообщите... – говорю трем здоровым бугаям, которые фиксируют меня на полу, – моей жене, Екатерине Караваевой... Сообщите...

Тут я выключился.

...брожу по черным туннелям. По коридорам. Через узкие лазы протискиваюсь, и сияние светильника расплескивается по сырým стенам. Куда ни поворачиваю, кажется, все время иду вниз. Ниже и ниже.

А то вдруг выхожу в старый жилой дом близ железнодорожной станции Янов, что в Зоне. Серые квартирные блоки, лестницы, подвалы. Дикари, вусмерть перепачканные кровью, зовут меня к себе, обещают вдоволь накормить, обещают поиграть со мной... Мы – родня.

Бегу оттуда. Мечусь по каменным лабиринтам в поисках выхода. Холодно. Ржавь. Вода капает со стен. Стреляные гильзы и рваные противогазы под ногами. Искрит поврежденная проводка. Огненные мухи летают под потолком, ползают по стенам.

Маленькие уродливые человечки вцепляются мне в берцы, тянут к себе, обещают подарить подземные сокровища. Показывают драгоценные камни. Изумруд размером с кулак. Рубин размером с два кулака. «Хочешь получить их? Остаешься с нами и ты их получишь!» Лица их так уродливы, что я и секунды не могу смотреть на них. Отшвыриваю уродцев... Бегу... Бегу...

Ловкие, верткие тени обступают меня. Становится светлее. Откуда-то из-под пола доносятся ритмичные удары. Камень под ногами – теплый, затем горячий. Жарко! Тени тянутся ко мне, срывают с меня одежду. «Куда ты? Почему бежишь? Тут тепло... Хочешь тело, какое у нас? Никогда не будешь страдать от голода. Сможешь просочиться куда угодно, увидеть что угодно! Любое знание станет доступным для тебя!»

У теней – визгливые голоса.

«Знание... развитие... устремленность в будущее... чего ты боишься? Мы не чужие тебе, нам тоже известна истина...»

Вот уж дудки!

Коридоры делаются шире. Стены из сверкающей стали. Потом – из серебра с затейливыми узорами. Таинственные знаки. Тысячи знаков! Древнее сказание о рождении мира. Вот я понимаю их суть, и вот она убежала от меня, словно потаенные смыслы сна в миг пробуждения.

Огромный зал. Свет подается сюда через отверстия снизу. Ажурная раковина размером с деревенский дом. Обнаженная женщина на перине под сенью верхней створки. Та самая, кого я знал до Кати. Та самая, кого я не смог до конца забыть. Та самая, с кем возлечь – незаконно.

«Теперь это можно. Теперь всё разрешено для тебя. Ты слишком много страдал. Возьми от меня немного утешения. Я безмерно скучала по тебе...»

Не могу отвести от нее глаз.

«Ты помнишь нашу любовь? Она была возвышенной и благородной. Разве может быть возвышенная любовь чем-то неправильным? Ты помнишь, я принадлежу тебе, а ты мне...»

– Нет!

«Могу быть такой, какой ты пожелаешь. Если ты ищешь необычных ощущений, если тебе наскучила пресная простота, я буду вот такой...»

И у нее меж бедер вырастает огромный пенис.

Суки! Я не хочу жить такой жизнью! Куда вы завели меня? Я лучше сдохну, чем буду жить вашей проклятой жизнью! Я хочу свою, нормальную жизнь! Пропадите вы пропадом! Все! Все до единого, кто тут водит меня!

Я бью прикладом автомата по ее поганому члену.

Слышу злое завывание.

И опять брожу по черным туннелям. По коридорам. Через узкие лазы протискиваюсь, и сияние светильника расплескивается по сырým стенам. Куда ни поворачиваю, кажется, все время иду вниз. Ниже и ниже.

– Что вы ему вкололи! Какое вы право имеете! Я охрану сейчас позову!

Голос слышится откуда-то сверху, из-под потолка. Чушь. Или там есть выход? Сам я уже отчаялся найти выход.

Подпрыгиваю и хватаюсь за ржавую скобу, торчащую из стены.

– Вы слышите меня? А ну дайте сюда это немедленно!

Что мне делать?

– Эй! Я здесь! Эй! Я рядом!

Они там, наверху, отделенные от меня всей толщиной железобетонного свода, десятками подземных этажей, паутиной лабиринта, не слышат моих криков.

– Эй! Э-э-э-эй! Это я, Тим! Вытащите меня отсюда! Спасите меня! Э-э-э-эй!

Одной рукой я держусь за скобу, другую сжимаю в кулак и принимаюсь отчаянно колотить в потолок – по направлению, откуда слышатся голоса. Громадная огненная муха садится мне на щеку и больно кусает.

Глупость! Да как они услышат меня? Но я все же молочу по бетону без остановки. Разбиваю пальцы в кровь. Брызги крови моей летят во все стороны.

Неожиданно бетон обваливается прямо мне на голову. Шипя от боли, я вцепляюсь в скобу обеими руками. Из открывшейся в потолке бреша на меня смотрит Дмитрий Дмитриевич Михайлов. Мой босс в течение двух последних лет.

Во взгляде его – досада.

– Я так и думал, – спокойно произносит он. Поворачивается к тощей сердитой тетке в медицинском халате и добавляет:

– Простите, пожалуйста, но не пойти ли вам отсюда на хер? Тем более, что как раз надо позвать лечащего врача... Еще раз извините.

Он протягивает мне руку и мощным рывком втаскивает к себе... куда-то к себе... не пойми куда.

Я лежу на скрипучей проволочной койке, подо мной – вонючий матрас. На мне – жиденькое казенное одеяло. Михайлов сидит у изножья, качая головой.

– Я уж думал, вы не вернетесь, Тим.

И пожимает мне руку. Мышцы мои – будто из ваты.

– Сколь... – хочу я задать вопрос, но в горле скопилась какая-то дрянь и, прежде чем говорить, надо как следует проперхаться.

Впрочем, Дмитрий Дмитриевич понял меня отлично.

– Четыре месяца там. Еще семь месяцев здесь. Нечто, напоминающее кому, но кома ли это на самом деле, я сказать вам не могу. Если требуется точный ответ, что ж, спросите Зону. Авось ответит. Крепко она вцепилась в вас и не хотела отпустить...

Осматриваюсь.

Самый паршивый вариант больницы, какой я только мог себе представить. Над моей койкой, вторым ярусом, нависает вторая. Проволочная сетка ничуть не мешает мне разгля-

деть огромное пятно от мочи, протекшей сквозь матрас. Справа от меня, слева, спереди и сзади – койки, койки, койки, койки, поставленные рядами. Старые, армейского вида тумбочки у каждого изголовья. Узкие проходы. В воздухе – чудовищная смесь запахов: пищевой блок в стиле low-middle, давно не мытое тело, не успевший добраться до унитаза вторичный продукт, ядрёные химикаты для помывки полов. Вялые разговоры, бряканье каких-то лечебных железок, пердёж «овощей».

– Чем вы меня извлекли... из... из забвения?

– Это? – Он поднимает руку с маленьким шприцем. – Производится в Канаде, стоит примерно четыре ваших годовых оклада, Тим, и называется так длинно, что моя гуманитарная память не способна воспроизвести все колена. Еще производится на окраине подмосковного города Подольск, стоит примерно один ваш годовой оклад, содержит ингредиенты от четырех артефактов и называется «Мозгожарка». Я удовлетворил ваше любопытство?

Просеките, ребята, хороший лектор, он и в любой вонючей дыре – хороший лектор.

Тут в ближайшем проходе показывается процессия. Я вижу только ноги: щепки, обтянутые белесыми колготками в халатчатом обрамлении; тумбы в форменных бриджах; нечто довольно аккуратное в темных брюках с наутюженной стрелкой плюс опять же докторский халат. Остальное закрыто вторым ярусом коек.

Издали доносится раздраженный говорок всё той же вредной медсестры: я ему запретила... еще ругается... бессовестный...

Михайлов потирает лоб. У него до смерти усталый вид. Он всегда был щеголем, любил хорошие костюмы, модные галстуки, безусловно сверкающие туфли. Обращал внимание на парфюм. Среди моих знакомых один-единственный человек продолжает носить запонки, и это именно он. И еще трость. И коричневую испанскую шляпу из мягкого материала. И часы на цепочке – механику, конечно же изготовленную лет сто назад. А сейчас... сейчас он без галстука, без трости, в мятой рубашке, мятом костюме... белки глаз исчерчены красными «жилками», щеки одряблели. Кажется, морщин на лбу добавилось.

Вздыхает.

– К нам приближается потеря времени.

Говорила мне бабушка: «Не плюй в колодез – сам в него попадешь!» Зачем я всегда так ругал наши больницы?

Та самая медсестра. Охранник... то есть, охранница. Тумбы, коммод, брыли, бейсболка. Руки в боки. Электрошокер. С ними – молоденький доктор. Такое же, как и у Михайлова, усталое лицо. Красные глаза.

Медсестра бренчит и бренчит. Присутствие Михайлова стимулирует ее перейти на повышенные тона. Охранница прерывает медсестру решительным жестом и обращается к врачу:

– Што? Убрать это отсюда? – тройным подбородком указывает на Михайлова.

Доктор потирает лоб точь-в-точь таким же движением, как это сделал Михайлов полминуты назад. Усталые люди похожи друг на друга...

– Подождите.

Смотрит на меня. Удивляется. Подходит ближе, тискает мне лицо ладонями, оттягивает веки, заставляет открыть рот и высунуть язык. Потом щупает пульс.

– Хм, – глубокомысленно сообщает он.

– Вот и я говорю, гнать отседа таких вот прохиндеев! Никакой дисциплины! Никакой культуры поведения!

Доктор поворачивается к ней и говорит:

– Если понадобится ваша помощь, я позову.

– А с этим-то как?

– Разве я не ясно выразился?

Кудахча себе под нос какие-то недовольности, медсестра отчаливает. Доктор обращается к Михайлову:

- Чем?
- Мозгожарка.
- Мытищи?
- Подольск.
- Сын?
- Сотрудник.
- Когда заберете?
- Дайте хотя бы трое суток. Ему надо восстановиться.
- Двое.
- Доктор...
- Что – доктор? Сами видите, как тут у нас. Двое суток.

И, повернув голову к охраннице:

- Всё нормально.
- У меня правила режима!
- Через пять минут наш гость покинет палату. А сейчас идите, нам есть о чем поговорить.

– Пять минут! – грозно напоминает охранница.

– Нда-да.

Когда она уходит, я вспоминаю об одном крайне неприятном обстоятельстве. На сколько же я проворонил казенного барахла?.. Оружие, камера...

– Простите, Дмитрий Дмитриевич, но из Зоны меня эвакуировали голеньким. Ни камеры, ни дисков с собранной информацией, ни амуниции моей... – он машет рукой, мол, понимаю, мол, не воротишь, и ладно.

Но я продолжаю:

– Однако не всё потеряно. Часть оборудования можно извлечь из тайника. И часть добытых сведений – там же. Как только я встану на ноги, отправлюсь в Зону и заберу...

Слышу смешок доктора. Михайлов отводит взгляд. Ну, колитесь, чего я еще не знаю.

Начинает объяснять доктор:

– Не до Зоны вам сейчас будет.

– Я сталкер!

Он опять усмехается:

– Молодой человек, вы не поняли. Пси-поле Зоны с вероятностью девяносто пять процентов моментально возьмет вас под контроль, как только вы окажетесь на окраине Зоны. И с вероятностью сто процентов – в течение суток. Вам нельзя в черномыльскую Зону отчуждения ни при каких обстоятельствах. Это, надеюсь, ясно? Вы *были* сталкером... и перестали им быть. Впрочем, это только первое обстоятельство... насчет второго... пожалуй, чуть погодя. Когда ваше состояние улучшится.

Врач теряет уверенность на глазах. А Михайлов всё сидит, отворотя взор. Потом произносит:

– Да чего уж тут тянуть-то. Лучше прямо.

– Его надо как-то подготовить... Я мог бы позвать нашего специалиста по реабилитационной психологии...

У Михайлова брови стремительно ползут вверх. Доктор, видя его удивленное лицо, сбивается и замолкает. Дмитрий Дмитриевич, сделав царственную паузу, спрашивает у меня:

– Как вы думаете, немного необычные ситуации, в которых вы пребывали на протяжении последних одиннадцати месяцев, подготовили вас к неприятностям? Или какие-то мелочи еще способны отнять у вас душевное равновесие?